

РУДЪ

10
Mark

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Gegründet von I. Hessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff †

Подписная цѣна. Во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Германіи 300 мар., въ Берлинѣ и пригородахъ, съ доставкой собственными разсылными ежедневно на домъ — 300 мар., при ежедневной непосредственной высылкѣ бандеролью — 350 мар. въ мѣсяцъ. Въ Германіи: Въ нѣмецкой Австрію, Мемельской обл., Данцигъ — 350 герм. мар. въ мѣсяцъ, Англію — 4 шилл., Латвію, Литву, Польшу, Венгрію, Эстонию, Югославію, Россію — 420 герм. мар., Болгарію, Финляндію, Грецію, Румынію, Чехо-Словакію, Турцію 500 герм. мар. Во всѣхъ остальныхъ странахъ — 550 герм. мар. въ мѣсяцъ. Къ заказу просить прилагать деньги, во избѣжаніе замедленія высылки.

Объявленія: основная плата 20 м. за строку непарели (ширина строки — одна двѣнадцатая часть страницы), для врачей, присяжныхъ повѣренныхъ, ищущихъ мѣстъ 12 мар. за строку непареля, для розысковъ 15 мар. за строку непареля. Строка объявленій въ текстѣ газеты 100 герм. мар. При крупныхъ заказахъ указанныя цѣны не обязательны. Заграничныя объявленія по особому тарифу. Приемъ объявленій и подписки въ „Ullsteinhaus“, Berlin SW 68, Kochstrasse 22-26, и во всѣхъ городскихъ отдѣленіяхъ Ullstein's. Редакція (Markgrafenstr. 73) открыта ежедневно отъ 11 часовъ дня до 2 час. дня. Редакторы принимаютъ ежедневно отъ ½2 до ½3 час. дня. Телефонъ редакціи: Döbhoff 47-61.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

Основанъ I. В. Гессеномъ, проф. А. И. Каминна и В. Д. Набоковымъ †

№ 565-й

Суббота, 7 октября (24 сентября) 1922 г.

2-й г. изд.

ся случайно и заблудившейся въ эмиграции группѣ, было болѣе сильнымъ, чѣмъ теперь у настоящаго Художественнаго театра, прїѣхавшаго изъ Москвы.

Должно быть, «родная Совдєнія» болѣе опустошаетъ души творившихъ, чѣмъ скитаніе по чужимъ странамъ. Тѣмъ болѣе, что игра въ театрѣ на Камергерскомъ поминется до сихъ поръ ярко, выпукло. А здѣсь, теперь — не то...

Нѣтъ прїятельной «сестры» Германовой, говорившей всѣмъ своимъ обликомъ, нѣтъ милого доктора Павлова — а вмѣсто нихъ Пашенная и Трибунина показываютъ только скучныхъ, пошукныхъ людей.

Лоскидовъ подчеркнулъ въ своемъ Солоникѣ ого пикій дробь, тушость — у Башкова былъ своеобразный Грушинскій, болѣе интересный, типичный.

Витневскій — Кулигинъ только «чело въѣтъ въ футляръ», только отрицательный; у Тарханова Кулигинъ получаетъ неожиданное оправданіе, мягкость, опъ тожко страдалъ и совсѣмъ неожиданно былъ отмѣченъ, какъ единственный, дѣлающій какое то дѣло. Въ Воробьевѣ — Станиславскомъ, образъ стилизмъ и жипомъ нѣтъ удивительнаго обаянія Качалова. Но настоящій возмущающій интеллигентъ съ мечтой о профессурѣ въ Москвѣ у Лужскаго — Андроя; все въ немъ запоминается, все характерно, вплоть до этого «талца» во второмъ актѣ.

Превосходны по-прежнему Мама — Кенперъ и Тузонбахъ Качалова; нѣкая «третья» сестра Крыжовикова и яркій образъ у Липилой — Наташи.

И все же, несмотря на невыгодныя условія сраженія, вѣчные спектакль былъ прекрасно слитъ въ одно цѣлое; и все же запомнился и воспринимался онъ только по инымъ деталямъ прекрасной постановки — должно быть оттого, что эта «Три сестры» отошли отъ насъ безвозвратно.

Ю. Офросимовъ.

Театръ и музыка.

Художеств. театр. „Три сестры“.

«Три сестры». Печальная повѣсть о томъ, какъ пусто и страшно жилось, поэма повседневной скуки.

Еще такъ сравнительно недавно любовались мы на этихъ «трехъ сестеръ» и какъ иначе воспринимался тогда спектакль! Болѣзненной остротой вѣло отъ родной, знакомой комнаты — казалось, точно не уходитъ изъ пел — сжился съ этой обстановкой... Въ томъ, что было нѣвѣстно, кто сейчасъ придетъ, а кто долженъ уйти и какъ спяной садеть Мама — была особая говорящая прелесть. Вотъ звенюкъ; пробѣжала горничная — теперь появится полковникъ Вершининъ и — пошли тихія, негромкія, неторопливыя рѣчи о томъ, какъ будетъ хороша жизнь черезъ двѣсти—триста лѣтъ... И когда въ послѣднемъ дѣйствіи медленно замирая игралъ оркестръ у многихъ на глазахъ появлялись хорошія, рѣдкія слезы — сказка о трехъ сестрахъ кусокъ нашей жизни, прощались съ ними, прощались съ самимъ собою. И распростились, должно быть, навсегда.

Это было совсѣмъ недавно. Не знаю, измѣнились ли мы, или успѣли свыкнуться съ самимъ собою — новыми, но теперь, глядя на тѣхъ же «трехъ сестеръ» нѣтъ больше внутреннего отклика, былого теплаго чувства. Острое воспріятіе утеряннаго быта смылось, улеглось — остался одинъ чистый спектакль и — Боже мой! — какъ далови намъ теперь вѣчно спѣшащимъ, болшимся проронить лишнюю минуточку эти люди съ психологіей «что-же, если чай не готовъ — давайте пофилософствуемъ». Какъ въ какой то малороссійской опереткѣ только «танцуютъ и пьютъ» — такъ и здѣсь только пьютъ чай, а въ свободное время говорить, говорить безъ конца... И о чемъ? Не оставляя просвѣта на свое собственное существованіе, тѣпшась жалкой мечтой о побѣдѣ въ Москву — о томъ, что жизнь нѣкогда будетъ прекрасной... И уже наша новая психологія не можетъ воспринять всю реальную неосуществимость этой тщетной «мечты» — мы привыкли такъ легко пероминиваться, точно мячики, не только изъ Рязани въ Москву, а изъ Константинополя въ Берлинъ, изъ Берлина въ Парижъ, въ Америку — хоть на край свѣта — право, ничего труднаго!

А они все говорятъ, говорятъ... Господи, какъ у нихъ много свободного времени!

Натурализмъ — естественность — понятіе условное; и та естественность, которая соответствовала укладу жизни лѣтъ десять—двадцать тому назадъ, не есть уже естественность сегодняшняго дня. «Три сестры» и самый натурализмъ ихъ изображенія принимаютъ характеръ историческій, гораздо далѣе по тону и темпу своему отстояющій отъ насъ возвышеннаго паеоса трагедіи. Такъ, незамѣтно перемахнули мы отъ сокровеннѣйшихъ, лирическихъ изліяній къ торжественной и великолѣпной простотѣ монолога и даже Эдипъ-царь ближе, чѣмъ дядя Ваня... Въ самомъ дѣлѣ, какое дѣло современному зрителю, прошедшему черезъ ужасы боевъ естественныхъ и гражданскихъ, если гдѣ нибудь, когда нибудь и жипи Мама, Ольга, Ирина — вѣдь такъ же жили, а можетъ быть, и по сейчасъ существуютъ Афасіей Иваловичъ съ Пульхеріей Ивановной, но развѣ въ силахъ какой нибудь театръ заставить смотрѣть на міръ ихъ глазами...

Современный театръ снова приобретаетъ свое дословное значеніе — обожествленіе; прожидо всего ждать отъ него этого божественнаго подьема; а «Три сестры» это спектакль, приращивающій чувства.

Вотъ почему, думается, «Три сестры» захватившія насъ своей болью — потопимъ о когда то, бывшей квартирѣ съ лампой и самозаромъ — проходятъ теперь мимо. Къ тому же и самое исполненіе, какъ это ни странно, въ той первой, отдаленней-